

О ДРЕВНЕРУССКОМ ПИСЦЕ И О СПИСЫВАНИИ РУКОПИСЕЙ

Имре Х. Тот

(H. Tóth Imre, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
szlav@primus.arts.u-szeged.hu)

В средние века важнейшим источником информации и передачи информации и одновременно важнейшим средством распространения культуры и цивилизации была рукописная книга (Сапунов 1978: 9, 12). Создателями рукописных книг были писцы, скрипторы. Из этого следует, что писец в средневековье был одним из важнейших факторов грамотности и культуры.

1. Роль средневекового скриптора в распространении письменности и культуры была исключительно важной и обуславливалась она целым рядом факторов, из которых мы коротко остановимся только на следующих:

1.1. Христианство по своей сущности представляет собой такую религию, которая не может существовать и проводить свою практическую деятельность без письменности. Христианская проповедь и литургия предполагают существование письма и определенного рода литургических книг. Принятие христианства Русью повлекло за собой массовое появление и распространение письменности на Руси. Абсолютно правдоподобно заявление неизвестного ученого XIX в. о связи христианства с грамотностью в Киевской Руси: «Христианство и грамотность явились у нас в одно время, нераздельно. Отсюда взгляд нашего древнего общества на христианство и грамотность как на одно нераздельное целое; отсюда тождественность у древних русских людей понятий христианства и грамотности» (Списывание: 132).

Тесная связь между христианством и грамотностью в средневековье была подтверждена научными исследованиями последних лет.

Книги по своему назначению разделяются на разные группы. На первом месте стоят богослужебные, литургические книги, необходимые для совершения богослужения. Важное место принадлежит так называемым «четырем книгам», которые служили воспитательным, назидательным целям как для монахов, так и для мирян. Наконец, следует упомянуть келейную литературу, которая хранилась не в библиотеках монастырей и церквей, а в кельях монахов и обычно составляла их собственность. Возможно, скрипторы рукописей списывали книги и для собственного употребления (Сапунов

1978: 24). Важнейшим разрядом рукописных книг являлись, конечно, литургические, богослужебные рукописи.

Исследователями истории книг было установлено, что для нормальной деятельности простой приходской или домово́й церкви требовалось наличие 8 литургических книг. Кафедральные соборы и монастырские храмы нуждались в большем числе литургических книг. Соборы и храмы могли выполнять свою функцию нормально с помощью 26 литургических книг (Сапунов 1978: 70, 71, 78). Число церквей, соборов, монастырей постепенно росло и параллельно с этой тенденцией увеличивалось и число необходимых для службы литургических книг. Необходимо учитывать и то, что книги имелись и у зажиточных мирян, причем среди этих книг встречались и книги с не церковным назначением. Б.В. Сапунов сделал попытку приблизительно определить число церквей, храмов, соборов и монастырей и на основании этих данных реконструировал приблизительное число древнерусских книг с учетом и светской литературы. У него получилось два варианта реконструкции книжного богатства Руси с X века до середины XIII в. По минимальному варианту число книг можно считать равным 31500. При оптимальном варианте Б.В. Сапунов определил книжное богатство Древней Руси в 130–140 тыс. томов (Сапунов 1978: 82). Несомненно, что появление и распространение такого большого количества рукописных книг привело к «информационному взрыву» на Руси. Для осуществления этого «взрыва» нужны были соответствующие «кадры», которые посредничали в снабжении Руси книгой, т.е. нужны были писцы, которые усердно списывали книги. Было установлено и то, что к середине XI в. Русь вышла на уровень европейских стандартов в области культуры, т.е. в распространении грамотности.

Все это предполагает, что с X до середины XIII в. списыванием, перепиской рукописных книг занималось заметное количество писцов. Таким образом, древнерусский писец является ключевой фигурой древнерусской грамотности и культуры.

Следует указать и на то, что в средние века писцы делились на две группы. В первую входили книгописцы, которые списывали (*переписати*, *переписовати*) книги, рукописи. Во вторую входят писцы, которые составляли грамоты. Когда мы говорим о скрипторах, мы имели в виду обычно книгописцев. Следует подчеркнуть, что и книгописцы, и писцы грамот одинаково важны для истории культуры и образованности древнерусского общества.

Труд списывания книг был напряжен, продолжителен и тяжок (Волков 1897: 71). Однако, одновременно списывание книг считалось и почетным, дорогим трудом. Древнерусские люди смотрели на списывание книг

как на богоугодное дело, которое спасает не только самих писцов, но и тех, кто читает или даже слушает книги (Карский 1979: 267).

Несомненно, что первые литургические книги были привезены в Киевскую Русь из Византии и Болгарии. Однако вскоре появились и древнерусские писцы, которые, продолжая дело своих мастеров, способствовали сравнительно быстрому распространению грамотности на Руси.

Имея в виду быстрое включение Древней Руси в европейский стандарт образованности и просвещения, мы вправе предположить, что списыванием книг уже в первой половине XI в. занималось немалое количество древнерусских книжников и до нашествия татар их число несомненно росло.

1.2. В средневековом обществе скриптор занимает своеобразное место в распространении просвещения и образованности. Скриптор в то время выполняет довольно сложную функцию, он был не только посредником между автором сочинений и их читателем. Он был одновременно и корректором и даже редактором (Thienemann 1931: 100). Несомненно, что книги списывались по желанию заказчика, строителя книги. Однако то, как переписывалось выбранное заказчиком произведение, полностью зависело от скриптора, от его способностей, склонностей, опытности, начитанности и совести.

2. Известно, что существовали очень строгие правила списывания книг, которых писцы должны были придерживаться. В качестве примера приведем приписку из Служебника Митрополита Кирилла: *аще ли кто восхочет снѧ книгѣ переписывати сматрѧи не приложити ѧи ѡложити едино нѣкое слово или тѣчкѣ единой, или крючкѣ и же сѣт под строками в радѣхъ ниже премѣнити слою нѣкоторою или приложити ѡ обычныхъ ихъ же первѣе привѣкъ или пакы ѡложити въ дыаконствахъ ниже въ възглагошенихъ ни въ молитвахъ но с великимъ вниманиѣмъ причитати оучити сѧ. Несмотря на это в средневековых рукописях не встречается двух вполне одинаковых, тождественных текстов. Даже в тех рукописях, которые были списаны с одного и того же протографа, оригинала намечаются заметные расхождения. Эти расхождения невозможно в каждом случае объяснить ошибками писца, которые проникали в рукописи только из-за невнимательного отношения скриптора к своему труду. Расхождения между разными списками одного и того же произведения и проникновение в сделанные копии элементов речи писца или писцов объясняется учеными по-разному.*

Е.Ф. Карский объясняет проникновение народных элементов и даже появление диалектных особенностей техникой списывания: писец обыкновенно прочитывал целую фразу из оригинала, а затем воспроизводил ее; отдельные слова он читал лишь тогда, когда они были потруднее (Карский 1979: 67).

Н. Дурново изменение текста и появление особенностей живой речи писца объясняет другой причиной, а именно выработкой, образованием книжного произношения писца. При списывании рукописей писцы руководствовались своим книжным, церковным произношением. В списываемые рукописи попадали только те элементы живой речи, которые уже становились элементами церковного, книжного произношения. Таким образом церковно-книжное произношение служило как бы фильтром при проникновении живой речи писцов в рукописи (Дурново 1924: 73–74).

Писец очень серьезно относился к своему оригиналу, ведь списывая текст, он совершал богоугодное дело.

Переписчик мог не только исказить протограф, он очень часто исправляет текст своего протографа. Расхождения между разными списками одного и того же оригинала (протографа) возникают и в результате сознательной деятельности скриптора. Скриптор смотрит на переписываемый им текст как на свою собственность и поэтому может внести в него определенные коррективы по своему желанию. Таким образом, скриптор одновременно выполняет и функцию редактора определенного произведения. Этот факт показывает, что писец как бы стоит между автором определенного текста и читателем этого текста. Вследствие этого читатель часто может связать текст, произведение не с его отсутствующим автором, а с личностью писца, который делает текст доступным для читателя. Этим объясняется и то, что читатель очень часто чувствует писца ближе к себе, чем автора (Thienemann 1931: 99). Вследствие деятельного вмешательства писца в текст, деятельность скриптора и деятельность автора строго не разграничиваются между собой. Таким образом, писец в определенной степени может выполнять и работу автора, становясь как бы соавтором списываемого им текста. Этим объясняется и та практика средневековых скрипторов, когда а своих записях, сделанных в рукописи, они чаще называют себя, чем авторов списанных ими текстов (Thienemann 1931: 101). Все это показывает, что на определенном этапе истории средневековой письменности личность скриптора как бы заслоняет личность автора списываемого текста (Thienemann 1931: 100). Это обстоятельство дает нам право видеть в лице писца не только пассивного исполнителя определенной задачи, а активную динамическую, творческую личность. Такое динамическое восприятие работы писца несомненно приводит к более реальной оценке его деятельности (Розов 1977: 73–74).

3. Несмотря на важность многогранной работы средневековых писцов, мы должны признать, что знаем очень немного как о труде средневековых скрипторов, так и о деятельности древнерусских переписчиков. Наши сведения о деятельности, о психике древнерусских скрипторов далеко не полны, и чаще всего фрагментарны.

Эта фрагментарность, впрочем, вполне понятна и объясняется она характером работы исследователей над рукописями. Исследователь черпает свою информацию о писце или писцах интересующей его рукописи прежде всего из самой рукописи. Характер почерка, качество выполнения списывания, ошибки, недочеты писца служат основным источником информации о нем. Следующим источником наших сведений о писце и об обстоятельствах списывания рукописи является запись, приписка скриптора или скрипторов. Запись переписчиков и их приписки могут дополнять картину списывания. Однако эта информация, полученная во время работы над рукописью, относится только к одной рукописи, к одному или, реже, двум-трем скрипторам (Х. Тот 1990).

4. В нашей работе мы исходим из динамического подхода к оценке деятельности древнерусского скриптора. Труд древнерусского писца мы оцениваем как проявление деятельного, динамического отношения писца к своей работе.

Этот деятельный, динамический подход древнерусского переписчика присутствует с первого момента его работы над рукописью, но получает свое конкретное выражение в оформлении основной записи писца, в которой он высказывает основную информацию относительно своей работы. Изучая записи Упыря Лихового (1047) и Григория, главного писца Остромирова Евангелия (1056–57), Е.Ф. Карский установил, что по греческому примеру у древнерусских скрипторов тоже была создана своеобразная запись писца, в которой он рассказывал о себе, о создании рукописи и пр. Так возник определенный «штамп», который переходил от одного поколения писцов к другому, от Упыря Лихого к Григорию диакону (Карский 1979: 281). Так возникли образцы основной записи писца. Эти образцы находились в широком употреблении. Однако в конкретном случае определенный писец свою основную запись оформлял соответственно своей книжности, своим личным способностям, интересам, знаниям. Так, например, он мог не брать полностью штамп, образец записи, а выбирал из него только те части, которые считал для себя актуальными. Таким образом, он составлял не полную основную запись, а укороченную, пропуская те сведения, которые он считал неактуальными. Писец мог действовать и прямо противоположно: вместо краткой записи писать более пространную. Конечно, писец мог относиться к своей работе и иначе: он мог механически списать полную основную запись оригинала, не изменяя ее, как это сделал скриптор Службеника митрополита Киприана, списав запись протографа (Соболевский 1908: 32) или скриптор Изборника 1073 г., переписавший текст Сборника царя Симеона.

Записи и приписки писцов обыкновенно встречаются в рукописных книгах как подражание византийским рукописям. Византийские рукописи служили образцами записей и приписок для древнерусских скрипторов. Что

касается византийских записей, то с определенной долей вероятности можно заявить, что записи и приписки византийских кодексов восходят к более ранним, античным традициям. Заслуживает внимания древнееврейская традиция, которая проявляется в греческом переводе книги премудрости Иисуса, сына Сирахова. Переведя книгу притч, составленных своим дедом, переводчик детально описывает трудности, которые он испытывал при переводе книги. В его предисловии встречаются все известные нам из средневековых рукописей элементы записи: ссылка на трудности работы, просьба к читателю доброжелательно отнестись к работе переводчика и т.д. Составление записей является продуктом многовековой традиции, которая была продолжена древнерусскими писцами.

5. Е.Ф. Карский, рассматривая разные записи, определил их составные части, выделив следующие моменты: а) обращение к Богу, б) название книги (т.е. ее жанр), в) имена заказчика и писца, г) время написания, д) выражение смирения писца, е) просьбу о молитве за писца (и заказчика), ж) выражение чувства радости писца по поводу окончания письма (Карский 1979: 276). К этим частям присоединялись и определенные дополнения: имя и сан заказчика (строителя) рукописи, просьба об исправлении ошибок скриптора и т.п.

Следует сказать несколько слов о протографах рукописей. Основным требованием к протографу была исправленность рукописи, с которой рукопись переписали. Если рукопись была списана с неисправленного оригинала, писец обыкновенно отмечал это обстоятельство, как например в Пандектах Никона 1478 г. Интересно, что в очень многих рукописных книгах скриптор обращается к читателям с просьбой исправлять допущенные им ошибки: *исправъше чьтете* (Мстисл. Ев.), *исправате цтете* (Пролог 1282 г.), *исправате чтите* (Ев.-апракос 1323 г.), *твом благословениемъ и исправлениемъ мое писание исполнитьсѧ* (Трефолой псковский). Важным вопросом считался вопрос извода текста. Иногда в записи, приписке писца отмечается, что рукопись списана не с русского, а с болгарского, сербского протографа, что обыкновенно затрудняло работу писца, ведь его задачей являлось не только списывание рукописи, но он должен был также выполнять функцию переводчика. Такие случаи свидетельствуют о знании языков, что было среди писцов известным, хотя и редким явлением. Случаи владения писцами иностранными языками позволяют предположить, что среди скрипторов были и те, кто по образованности стоял выше своей среды.

Следует отметить, что переписчик осознавал, что при списывании рукописи он может делать опiski и этим совершить грех. В своей записи он просит читателя исправлять его ошибки и не бранить его за них (Розов 1977: 25, 123). Долгом читателя было исправлять ошибки переписчика. Если чита-

тель не исправлял замеченную ошибку скриптора, то, как подчеркивает дьяк Кузьма, грех писца становится уже грехом читателя. Таким образом, для средневекового грамотного человека списывание книг влекло за собой коллективную ответственность, потому что важный труд переписывания книги завершался лишь после исправлений ошибок писца.

6. Древние скрипторы называли свои записи и приписки грамотицами, письмами, писаниями. Что касается современных соответствий этих слов, то в палеографии Е.Ф. Карского (1979: 271, 273, 281) применяются термины *запись*, *приписка* и *послесловие*. По мнению Карского характерно, что записи помещались в конце рукописи. Приписки встречаются обычно на полях (Карский 1979: 276).

Однако, по своим особенностям и информативной ценности эти термины неоднозначны.

Попытка отделить приписку от записи была сделана И.Э. Еселевич. По ее определению приписка в широком смысле – «это текст любого содержания, приписанный к рукописи писцом или другим лицом». Запись же, по мнению И.Э. Еселевич – «это текст, принадлежащий писцу рукописи и содержащий указания на обстоятельства создания книги» (Еселевич 1965: 3).

Исследователи обычно предполагают, что в записях содержатся сведения о писцах рукописи, а приписки таких ссылок не содержат. Однако, такое разграничение нам кажется довольно искусственным, с учетом того, что иногда у разных специалистов *приписки* и *записи* являются практически синонимами. В новейшей литературе для обозначения записей, которые не относятся к тексту данной рукописи и часто помещаются на полях, употребляется термин *маргиналии*. Маргиналии – это сообщения, которые не входят в текст рукописи, но сообщают некоторые детали относительно основного текста рукописи (Панайотов–Иванова 1999). Нам кажется, что термин *маргиналии* удачно раскрывает особенности сообщений, которые не входят в основной текст списанной скриптором рукописи.

По И.Э. Еселевич спецификой приписок является их более «свободное», светское содержание. Это обстоятельство обуславливает возможность более раннего отражения в приписках элементов живого языка, чем в других источниках (Еселевич 1965: 4).

Заслуживает особого интереса тот факт, что только приписки разделяют по тематическим группам. Е.Ф. Карский выделяет 7 групп, а И.Э. Еселевич – 5.

Интересно, что индивидуальные высказывания писцов, как мы уже отмечали, неодинаковы: среди них встречаются совсем краткие и более пространственные, расширенные. В качестве примера краткой записи можно привести запись в Путятинской минеи (поутгата п'салъ), а распространен-

ной – приписку Захария, писца Псалтыри для княгини Марины, списанной в 1296 г. Запись писца Захария, содержащая в себе основные элементы записей (приписок), переходит в самостоятельное литературное произведение о пользе пения Псалтыри (Х. Тот 1997).

Захарий сознательно называет себя писцом, указывая на то, что *имѣа из дѣтска обычая много написавъ* даже в старости списывает рукописи. Действительно, в лице Захария мы имеем писца профессионала, который списал Книгу Богословия, Псалтырь и Евангелие-апракос.

7. А.И. Соболевский и Е.Ф. Карский указали на то, что краткие записи обыкновенно принадлежат «наемным писцам-ремесленникам». Более длинные приписки делались духовными лицами, которые работали с целью получить прощение грехов, не принимая ничего за свой тяжкий и ответственный труд (Карский 1979: 283; Соболевский 1908: 28). К этой группе можно отнести Упыря Лихого, диакона Григория, игумена Сильвестра, а к писцам-ремесленникам относится Путяга, списывавший Путягину mineю, Алекс сын Лазарев и Захарий, писец Псалтыри 1296 г. Наблюдение Е.Ф. Карского об авторах кратких записей верно, но здесь, как мы видим, имеются исключения: писец-ремесленник Захарий составил не краткую запись, а довольно распространенное послесловие.

Рассматривая записи и приписки, Е.Ф. Карский указывает на то, что очень часто невозможно с первого взгляда определить заказчика (строителя) книги и писца (писцов). Это затруднение связано с полисемией глагола *писати*. Этот глагол имеет следующие значения: а) ‘писать вообще’, б) ‘переписывать рукописи’, в) ‘заказывать списать рукопись с фактитивным оттенком’ (Карский 1979: 262). Таким образом, если рукопись была списана одним почерком, а в записи называются два лица, то один из них писец, а другой заказчик (строитель) книги. В югославянских рукописях писца обыкновенно называются «граматиками».

В приписке Юрьевского Евангелия (до 1218 г.) Грешный Феодор был заказчиком, а работу выполнил Угринец.

Хотя древнерусские скрипторы известны с начала XI века (Упырь Лихой), соответствующий термин для обозначения этого занятия появился лишь с первой трети XIII в. Правда Е.Ф. Карский цитирует слово *писецъ* из записи Захария, списавшего Псалтырь княгини Марины (Карский 1979: 261). Однако от внимания прекрасного знатока древнерусских рукописей ускользнул тот факт, что слово *писецъ* встречается уже в приписке Добрилова Евангелия 1164 г. По словарю И.И. Срезневского оно впервые встречается в Прологе 1229 г., где приводится сравнение писца, закончившего свою работу, с кораблем, «переплывшим морскую пучину» (Срезневский 1989: 940). В

Пандектах Никона содержится сознательное заявление скриптора о своей работе: **книжнѣи писецъ ксмъ** (там же).

8. Исследования специалистов довольно убедительно доказывают, что среди писцов существовали как бы два слоя. Одни работали исходя из своих религиозных убеждений, а для других списывание книг было возможностью обеспечить средства к существованию.

Несомненно, что усвоение письма невозможно представить без просвещающей роли церкви (монастыря), которая, обучая письму, заботилась о воспитании, подготовке представителей духовенства. При этом, однако, известны и примеры того, как в воспитании грамотных людей принимали участие и сами князья, например, Владимир, который собрал для учения «нарочитых» детей. Стоит упомянуть также и Ярослава Владимировича, создавшего переводческую школу в Киеве. Эти два источника и обеспечивали на Руси подготовку двух «слоев» скрипторов (Розов 1977: 44).

Пономарь церкви Св. Иакова Тимофей, переписавший Пролог 1296 г., может быть для нас примером представителя низшего духовенства, который из-за недостатка материальных средств занимался списыванием книг, как и черноризец Иаков, стоявший на низших ступеньках иерархии (Розов 1977: 30). Их пример имеет важное культурно-историческое значение. Ж. Ле Гофф, говоря о зарождении средневековой интеллигенции, доказал, что первыми ее представителями являлись «клирики», которые не получая достаточных средств к существованию, вынуждены были зарабатывать свой хлеб умственным трудом: они или учительствовали, или переписывали рукописи (Le Goff 1976: 23, 67). В лице скриптора мы видим на Западе первых представителей средневековой интеллигенции. Ту же ситуацию, с некоторыми местными особенностями, можно наблюдать и в Восточной Европе и в Киевской Руси. Писцы, скрипторы, зарабатывающие себе и своей семье на жизнь списыванием книг, являются первыми представителями зарождающейся средневековой древнерусской интеллигенции.

Мы изложили интересную теорию французского ученого о зарождении интеллигенции в Западной Европе, чтобы поднять вопрос о том, насколько можно применять эту теорию при изучении древнерусской письменности. Теорию Ле Гоффа мы считаем своего рода рабочей гипотезой, возможность применения которой для изучения значения древнерусских переписчиков дальнейшие исследования могут подтвердить или опровергнуть. Если будущие исследования докажут приемлемость этих взглядов при изучении древнерусской письменности, значение древнерусских переписчиков возрастет не только для филологических исследований, но и для исследования древнерусской образованности и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков, Н.В. 1897, Действительно ли безыменна была большая часть древнерусских переписчиков. *Журнал Министерства Народного Просвещения* (ноябрь).
- Дурново, Н. 1924, Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка I. *Лужнословенски Филолог*, кн. 4. Београд.
- Еселевич, И.Э. 1965, *Исследования о языке записей и приписок XI–XVI веков на древнерусских пергаментных рукописях. АҚД*. Казань.
- Карский, Е.Ф. 1979, *Славянская кирилловская палеография*. Москва.
- Панайотов, В. – Иванова, Д. 1999, *Маргиналии*. Шумен.
- Розов, Н.Н. 1977, *Книга Древней Руси*. Москва.
- Сапунов, Б.В. 1978, *Книга в России в XI–XIII вв.* Ленинград.
- Соболевский, А.И. 1908, *Славяно-русская палеография*. Санкт-Петербург.
- Списывание – Списывание книг в древние времена в России. *Православный собеседник*, ч. I, 1862.
- Срезневский, И.И. 1989, *Словарь древнерусского языка, т. II, ч. II*. Москва.
- Х. Тот, И. 1990, Древнерусский писец. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXI*. Szeged, 137–171.
- Х. Тот, И. 1997, Древнерусский писец Захарий и его Слово о пользе чтения Псалтыри. In: *Słowianie Wschodni Między językiem u kulturą*. Pod redakcją Anny Bolek, Adama Fałowskiego, Bożeny Zinkiewicz Tomanek. Kraków, 207–216.
- Le Goff, J. 1976, *Értelmiség a középkorban [Интеллигенция в средних веках]*. Перевод и предисловие: Klaniczay, G. Budapest.
- Thienemann, T. 1931, *Irodalomtörténeti alapfogalmak [Основные понятия истории литературы]*. Pécs.